

ПЕЛЬМЕНИ ДЛЯ ДАНИ

Когда моему младшему внуку Дане было три года, из всех изысков мировой пищевой продукции его интересовали только шоколад и пельмени.

И вот однажды мы с Даней ехали в автобусе, и он заметил кондуктора, которой в обмен на какие-то маленькие бумажки взимала у пассажиров деньги.

– Тетенька, – поинтересовался Даня, – а это вы на шоколадку собираете?

Взглянув на этого хорошенького голубоглазого ребенка, кондуктор растрогалась:

– Ой, мальчик, была бы у меня шоколадка, я бы обязательно тебе ее дала.

Но у одной пассажирки маленькая шоколадка нашлась, и она протянула ее Дане.

Мальш съел шоколадку, почему-то вернул упаковку хозяйке, поблагодарил ее и поинтересовался:

– Тетя, а пельмешек у вас нет?

КОНФЕТНЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Однажды, когда мы с сестрой были ещё маленькими, родители повезли нас в деревню, председателем колхоза в которой был наш дядя Лева. Там мы с ним пошли в лес и увидели, что прямо на ветках некоторых деревьев висят конфеты.

А потом вдруг я стал постоянно слышать, что конфеты делают на специальных кондитерских фабриках. Но и сейчас, когда я уже взрослый человек, никогда, ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах в эту глупость не поверю, ведь мы с сестрой самолично целый месяц собирали урожай с конфетных деревьев.

КЛИЗМА ДЛЯ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Мой друг Вова Кузнецов не отличался в школе ни особым прилежанием к учебе, ни дисциплиной, а потому и не был любим преподавателями. А учительница математики вообще терпеть его не могла, и постоянно издевательски обещала поставить ему клизму.

После школы Владимир Петрович поступил в медицинский институт и, благополучно его окончив, стал участковым врачом-терапевтом. И вот однажды на прием к нему пришла женщина, лицо которой показалось

Кузнецову знакомым. Он посмотрел медицинскую карточку и убедился, да, это она, его бывшая учительница математики. Бегло осмотрев своего застарелого врага, он прописал ей клизму.

Вскоре учительница снова явилась в поликлинику и устроила Владимиру Петровичу грандиозный скандал, заявив, что, как выяснилось, клизма не имеет ни малейшего отношения к ее заболеванию.

– Я это знаю, – ответил врач, – но ведь точно также клизма не имела никакого отношения и к мои плохим отметкам. К тому же вы прописывали мне ее почти каждый день, а я сделал это только один раз.

КАК МЕНЯ ВСТУПАЛИ В КОМСОМОЛ

Это произошло в то время, когда еще всюду бушевала советская власть. Между школой и армией я работал на заводе «Кинап», одном из предприятий знаменитого тогда объединения ЛОМО. Борис, комсорг нашего цеха, сразу же заинтересовался, почему я не член уважаемой комсомольской организации. Я ответил, что просто не желаю им быть. Но я не понимал тогда, что порчу человеку отчетность.

И вот однажды комсорг предложил мне выпить. Он был лет на десять старше меня, и уже достаточно закален в употреблении алкоголя. А я лишь робко ступал на эту стезю. Мы с ним так хорошо приняли, что я более-менее пришел в себя лишь в головном комитете комсомола на Чугунной улице. Как Борису удалось меня туда в таком виде доставить до сих пор остается загадкой. Сквозь хмель начало проступать понимание происходящего. Пьяный я хотел вливаться в ряды комсомола ничуть не больше чем трезвый.

В те времена при вступлении куда-то было принято задавать всякие глупые вопросы. Комсорг предприятия, приятно улыбаясь, спросил меня, сколько стоит в магазинах ржаной хлеб. Насколько мне было известно, стоил он тогда везде одинаково – 14 копеек.

– Рубль, – нагло глядя ему в глаза, сказал я.

– Правильно, – не менее нагло ответил он и начал выписывать мне комсомольский билет.

ЧЛЕНСКИЕ ВЗНОСЫ

Работая тогда еще на заводе и возмущенный начальственным произволом, я отправился однажды жаловаться в профсоюзный комитет. Дверь была заперта, но по доносившимся оттуда звукам стало ясно, что кабинет обитаем. Выждав несколько минут, я постучался еще раз. Но никто на эти звуки не отреагировал. Разозлившись, я начал в профсоюзную дверь

барабанить. Вскоре оттуда, поправляя на ходу выбившуюся из брюк рубашку, выскочил какой-то мужчина.

Я вошел в кабинет. Молодая женщина, председатель профкома, одной рукой приглаживала прическу, а второй застегивала пуговицу на кофточке.

– Чем вы тут занимаетесь? – буркнул я.

– Собираю членские взносы! – покраснела женщина.

ЗАВИСТЛИВЫЙ ПОЧТАЛЬОН

В советское время в большинстве газет и журналов обитал отдел юмора. А уж в молодежных изданиях это было просто обязательно. Посему для нашего брата писателя-юмориста площадок для публикаций было великое множество. Немало тогда было и детских изданий, значит у меня, как и у веселого детского писателя, были дополнительные возможности. Гонорары я получал каждый день, иногда сразу несколько. Правда, суммы были таковы, что и озвучивать их стыдно.

Меня очень не любила наш почтальон, которая завистливо заявляла, что ей бы так, ведь я все время сижу дома, а она каждый день приносит мне деньги.

Мой приятель, который работал таксистом, иногда, будучи рядом, заезжал ко мне, мы с ним болтали, обедали, а затем он возвращался к своей работе. Однажды он ко мне завернул, а у меня хоть шаром покати, и угостить мне его было нечем. Тогда он предложил:

– А у тебя за углом, на Герцена, отличная пирожковая, давай туда смотаемся.

Мы сели в его машину и уже через пару минут были на месте. И вдруг услышали так хорошо мне знакомый возмущенный голос почтальона:

– Это что же такое творится, мало того, что этот Бутман сидит дома и нигде не работает, так он еще и в пирожковую за сто метров на такси ездит!

КАК МЫ ДЕЛАЛИ СОБАЧКУ

Командир части, в которой я служил в армии, полковник Краснов, был иногда очень демократичен и любил, порой, поболтать с солдатами. Однажды он заявил, что очень любит животных и хочет завести щеночка.

На следующий день на территорию нашей части забежали две собаки, которые стали тут же, прямоком у штаба, совокупляться. Для солдат это было хоть какое-то развлечение. Услышав громкий хохот, Краснов вышел из своего кабинета и изумленно поинтересовался: «Чем это вы здесь занимаетесь?» И тут меня будто кто-то за язык дернул:

– Товарищ полковник, это мы для вас щеночка делаем!

Думал, что загремлю за это на гауптвахту, но обошлось.

НАШ АРМЕЙСКИЙ МАГАЗИН

В наш армейский магазин завезли цветочный одеколон, который был немедленно раскуплен солдатами на предмет употребления внутрь. Гадость редкая – наливаешь одеколон в кружку, разводишь его водой, и тут же вздымается пена. Большинство солдат, вкусив этот напиток один раз, никогда больше к нему не прикасались.

В тот же день, когда мы с другом как раз зашли в магазин, там же появилась чинная парочка – полковник Краснов под ручку со своей дражайшей супругой, которая сказала продавцу:

– Наконец-то вам завезли одеколон, а то товарищу полковнику после бритья даже побрызгаться нечем.

Продавец развела руки и призналась, что весь одеколон уже раскупили солдаты.

Жена командира посмотрела на нас, приняухалась и сказала:

– Ничего не понимаю, а почему это одеколоном от солдат воняет, а морды у всех небритые?

ОЧЕНЬ 89

Петербург. Осень. Фестиваль «Очень 89» (1989, разумеется). Тогда впервые в северную столицу со всей страны съехались писатели-сатирики и актеры, работающие в этом жанре. После выступлений на многочисленных концертных площадках, поздним вечером собирались в просторном ресторане Дома актеров. Выпивали, веселились.

Все было бы просто прекрасно, не продавай администрация Дома актеров билеты совершенно посторонним людям, которые сидели за столиками вдоль стен, тоже ели и пили, но и наблюдали за распоясавшимися сатириками. Но был там один очень неприятный момент, администрация продавала билеты посторонним людям. Ближе к ночи участники фестиваля собирались в зрительном зале, где обсуждали свои профессиональные вопросы. Однажды слова попросил Михаил Жванецкий, который сказал: «Я люблю публику, в конце концов, мы на нее работаем, от нее и кормимся. Но здесь этим людям не место, они не дают нам толком расслабиться и очень меня раздражают. Те, у кого на груди бейдж – профессионалы, свои люди. А те, у кого его нет, сейчас нет, сейчас для меня для меня люди чужие».

Минут через 15 после этого собрания я спустился в туалет и обнаружил там застегивающего ширинку Жванецкого. Увидев меня с бейджем на груди, он раскинул руки, обнял меня и закричал: «Слава Богу, хоть здесь одни профессионалы!»

В ЭРМИТАЖЕ

Мой друг, поэт Генрих Тумаринсон рассказал мне о том, что будучи вчера в Эрмитаже, подслушал разговор мальчика с отцом, которые проходили мимо туалета:

- Папа, а что находится за этой дверью?
- Здесь отправляют естественные потребности.
- А как их отправляют, по электронной почте?

В ТЕАТРЕ

Произошла эта история в Александринском театре Ленинграда (тогда он назывался Пушкинским) в 1977 году.

Стоило мне занять в партере свое место, как на соседнее кресло плюхнулся грузный мужчина:

– Поезд у нас через несколько часов, вот и решили сходить в театр, купили билеты с рук. А тебя, кстати, как зовут?

– Илья.

– А меня Паша. А это моя супруга Люська. Да, здесь красотища!

– Раньше таких лапотников как мы сюда бы не пустили, – добавила Люська, – но советская власть буржуев прищемила, и теперь мы можем чувствовать здесь себя свободно.

Как оказалось, излишне свободно.

– Ну вот, устроились, – удовлетворенно произнес Паша, – пора поснедать, доставай рушник.

Люська извлекла откуда-то длинное полотенце, которым покрыла свои и Пашины колени. Затем она достала из объемного пакета вареную курицу и отдала ее мужу, который тут же протянул ее мне:

– Илья, поддержи, мне надо рушник поправить.

Я держал эту жирную курицу навесу, и мне было очень стыдно перед привлеченными запахом зрителями, которые удивленно на меня уставились.

Вернув птицу, я попытался оттереть руки носовым платком.

– Давай, Илья, отламывай себе порцию, – снова протянул мне Паша курицу.

– Да нет, спасибо, я уже ужинал.

– Ну, твое дело, как говорят в народе, нам больше достанется. А сало не хочешь? Гарное.

– Не хочу.

– А чем же ты закусывать будешь? Люська, отломи ему колбаски.

– Нет-нет, я не буду ни пить, ни закусывать.

– До чего же народ у вас в Ленинграде чванливый, ни своего не дам, ни чужого не возьму, – громко осудила мое неподобающее поведение Люська.

Тем временем занавес поднялся и начался спектакль. Что говорили артисты я разобрать не мог, ибо в это время Паша ругал жену за то, что она пролила самогон мимо стопки.

Но Люська тут же нашла контраргумент:

– Да ты и сам хорош, яйца взял, а соль забыл. Люди, ни у кого соли нет?

– А чего я? Сама-то, дура, чего не позаботилась?

– Сам дурак, скоро и собственные яйца где-нибудь забудешь. – Люська протянула мужу кусок газеты. – Веди себя прилично, ты ведь находишься в императорском театре, вытри морду.

Шум усилился и из-за того, что ближайшие наши соседи начали уже просто выходить из себя, требовали от Паши с Люськой прекратить это безобразие. Тем удалось уговорить только одного зрителя, всучив ему стопку самогона и кусок гарного сала.

Ближайшие соседи уже не смотрели на сцену, часть из них перестала гневаться, а откровенно потешалась. Творящееся в зале явно становилось для них интереснее происходящего на сцене.

А бедные артисты, которые понимали, что в партере творится что-то неладное, мужественно тянули нить действия.

Но вот, наконец-то, прибежали сразу три билетерши и начали вежливо объяснять гостям нашего города, что это не ресторан, а поесть они смогут во время антракта в театральном буфете.

– Ага, – возмутилась Люська, – а ты цены-то в вашем буфете видела? У меня муж не буржуй, он баранку крутит...

Надо отдать должное многотерпению интеллигентных женщин-билетеров. Они некоторое время полушепотом приводили свои аргументы, которые разбивались о своеобразную логику супружеской пары. В конце концов, действие на сцене было временно приостановлено до появления в зале милиции.

За давностью лет ни какой спектакль тогда шел, ни какие артисты играли я уже не помню, а вот комедию в исполнении Паши и Люськи не забуду никогда.

НЕВЕЗЕНИЕ

У меня есть приятель, Витя Новгородский, которому всегда и везде не везет. Взять хотя бы его жену Нину, день рождения у которой 23 февраля, что вполне соответствует ее суровому характеру. Да к тому же она еще и дочка полковника. В других семьях в этот день чествуют мужчин, а у Новгородских такого не бывает. Здравницы произносят лишь в честь Нины. Но к этому Витя уже привык. А вот то, что у самого Вити день рождения 8 марта, выводит его из себя. Когда в этот день к Новгородским приходят гости, то быстренько произнеся дежурный тост за Витю, они начинают льстиво поздравлять дам. Мой приятель абсолютно ничего против женщин не имеет, но предпочитает, чтобы в этот день поздравляли все-таки его, а не жену, и, не приведи господи, тещу.

А вот на службе дела у него в этот день складываются совсем неудобно. Из года в год одно и то же. Накануне 8 марта женщинам вручают подарки. Но самое неприятное, что не забывают при этом и Новгородского.

– Уважаемый Виктор Петрович, – неизменно говорят ему, – поздравляем вас и желаем успехов в труде и в личной жизни.

Сотрудники всегда при этом откровенно смеются. Ведь знают, что у Новгородского день рождения, а все равно хохочут.

Это так моему приятелю надоело, что в начале марта он взял отпуск и уехал в дом отдыха. Ему там очень понравилось, а главное, впервые не пугал приближающийся женский праздник.

Восьмого марта отдыхающие собрались в клубе. Было очень весело. После танцев директор поднялся на сцену и от имени администрации дома отдыха поздравил женщин с праздником. Он по очереди вызывал их, покрасневших от смущения, целовал каждой руку и вручал поздравительную открытку. Женщин было много, и дело подвигалось медленно. Тогда на сцену поднялся заместитель директора по хозяйственной части. Теперь он целовал женщинам руки, а директор только вручал открытки. Количество не поздравленных сразу начало резко сокращаться.

– А теперь, – вытирая со лба пот, сказал директор, – продолжим наше веселье.

– Постойте, – вырвалось у Новгородского, – вы меня еще не поздравили.

В зале рассмеялись.

– Да я серьезно, – признался Виктор Петрович.

Новгородскому зааплодировали.

– Товарищи, – взмолился Виктор Петрович, – ведь сегодня и мой праздник. Хотите паспорт покажу?

Раздался очередной взрыв аплодисментов. Всем было хорошо и весело. Не веселился только Новгородский. Ему было сейчас очень одиноко.

– Представляешь, – признался мне Витя, – и вот тогда я с тоской вспомнил товарищей по работе, которые обязательно поздравили бы меня с праздником.

ТАНЯ (Отредактировать. Девичья фамилия моего коллеги – Овсяникова...)

Таня Овсянникова постоянно ест на уроках яблоки. Раньше мы всем классом над ней смеялись, но постепенно привыкли. Даже Нина Николаевна с этим смирилась. Только мы Тане прозвище дали, правда, не обидное – Яблокова. И так все к этому привыкли, что и Нина Николаевна путала: «Таня Яблокова, к доске!»

Но вот однажды произошла сенсация. Вместо яблок Таня достала на уроке печенье. Ромка взгляделся и завистливо сообщил:

– А печенье-то овсяное!

– Ну и отлично, – рассмеялась Нина Николаевна, – будем теперь называть Таню Овсянниковой.

СЧЁТ

Лера пришла из садика и похвасталась родителям, что научилась считать до трёх тысяч.

– Не может быть, – не поверил папа, – ведь ещё утром ты умела считать только до десяти, да и то с ошибками.

– И меня это очень удивляет, – согласилась с ним жена, – ну посчитай, а мы послушаем.

Мама с папой расположились поудобнее, ведь считать до трёх тысяч очень долго.

– Одна тысяча, две тысячи, три тысячи, – произнесла Лера.

Родители почему-то рассмеялись.

– Я читала, – сказала мама, – что детям легче всего учиться в игровой форме. Лера, давай я буду считать до десяти, а если ты заметишь ошибки, то сразу меня останавливай.

И мама начала считать:

– Один, два, четыре...

– А вот и нет, – закричала Лера, – неправильно, ведь после двух идет три.

– Да, ты права, я ошиблась, – призналась мама, – три, четыре, пять, семь...

– Неправильно, – опять закричала Лера, – после пяти идет шесть, и только потом семь.

– Да, дочка, ты права, я считаю неправильно.

Мама взглянула на часы:

– А теперь я считаю, что пора уже ложиться спать.

– Да нет, мама, ещё рано, ты ведь сама сказала, что считаешь неправильно. (Отредактировать для книги)

Саша Мезинцев повинулся мне, что шел в свое время расписываться в ЗАГС, а оказался на каторге. Дело в том, что его жена и мама и не могут и, похоже, не хотят найти общий язык:

КОМПЛИМЕНТ

Господи, Тамара Павловна, какое на вас сегодня прелестное платье! А какой миленький матерьяльчик! А с каким вкусом подобран фасон! А

УРАВНЕНИЕ В ПРАВАХ

Ближайшим другом трех Давидовичей, особенно Миши Яснова, был замечательный детский поэт Сережа Махотин. Мы часто вместе с ним выступали, печатались в одних и тех же изданиях, да и просто проводили вместе свободное время.

Однажды мы, Давидовичи, сидели в мастерской Каминского, который пошутил:

– У нас троих одно отчество, а у Сережи другое, из-за чего он, возможно, испытывает некоторую ущербность. А давайте уравнием его в правах, присвоим почетное отчество Давидович.

Мы с Ясновым эту мысль бурно одобрили. Тут же раздался звонок в дверь. Это пришел Махотин. Ему срочно нужно было позвонить в какую-то редакцию, которой требовались от него дополнительные данные. Диктуя свои имя-отчество Сережа представился как Анатольевич. Вся наша троица иронично переглянулась. Оно и понятно, взрослый человек, а своего собственного отчества не знает.

Одно время мы с Мишей Ясновым часто случайно сталкивались где-нибудь в районе Невского проспекта. Если у обоих было на то время, то заходили куда-нибудь принять по сто грамм. В тот раз времени у нас было немного, поэтому мы не стали особо заморачиваться с закуской, а ограничились парочкой бутербродов с безвкусным сыром.

– Илюша, а какой сыр ты предпочитаешь? – поинтересовался Миша.

– А я, Миша, люблю острый сыр, от которого пахнет онучами отслужившего 25 лет николаевского солдата, ни разу за это время не мывшегося и никогда свои портянки не стиравшего.

Я про этот разговор забыл, а Миша, оказывается, нет. Через пару месяцев, побывав по своим переводческим делам во Франции, Яснов зашел ко мне и преподнес в подарок круглую коробочку. Я вскрыл ее и обнаружил там треугольнички сыра. Разорвал упаковку одного из них. За столом сразу дивно запахло онучами отслужившего 25 лет николаевского солдата, ни разу за это время не мывшегося и никогда свои портянки не стиравшего.

НА ТВОРЧЕСКОЙ КУХНЕ

Я – главный редактор журнала «Баламут», Леонид Каминский – его главный художник. Журнал есть, а редакционного помещения – нет. Трудимся в мастерской Леонида Давидовича. На кухне, которую, разумеется, называем творческой. Завтра сдавать очередной номер. Работаем без перерыва уже часов десять. Каминский несколько раз пытается набрать на калькуляторе какие-то цифры.

– Леня, ты чего это делаешь? – интересуюсь я.

Мой друг смотрит на меня воспаленными глазами и объясняет:

– Набираю номер телефона.

– Телефона?! Чьего?! – изумляюсь я.

– Твоего, – приходит в себя Каминский.

ТОНКАЯ РАБОТА

Весь творческий штат журнала «Баламут» – это я и Каминский. Вне штата еще и наши друзья – детские писатели. В основном, Миша Яснов, Сережа Махотин и Миша Мокиенко. Но они появляются по мере желания или необходимости. Мы с Каминским «пашем» на его творческой кухне постоянно. Иногда перекусываем или пьем кофе. Если появляется потребность что-то купить, то Леня требует предоставлять это право ему, мотивируя необходимостью «проветриться». Я остаюсь работать, а Каминский своей разлапистой чаплинской походкой покидает пределы мастерской.

При этом он закидывает на плечо сумку, в наружные кармашки которой у него складированы деньги. В каждом карманчике определенные купюры, которые как бы вопят: «Украдите меня». Дело в том, что рассеянный Леонид Давидович всегда забывает «запереть» эти кармашки на молнии. Это перед выходом Каминского делаю я. Но все равно беспокоюсь. Тогда таких огромных универсамов, где можно было купить сразу все, было очень мало. Поэтому, расплатившись в одном магазине, он шел в следующие, демонстрируя всю свою наличность.

Однажды, успев купить только бутылку вина и перейдя в другой магазин, где собирался приобрести колбасу и кофе, Леонид Давидович обнаружил полное отсутствие наличности. Вернувшись в мастерскую, Каминский не так огорчился, как восхитился «тонкой работой» воров:

– Ты представляешь, выгребли деньги из всех кармашков, да так, что я этого не заметил!

А я в это время думал о том, почему столь «тонкую работу» не проводили с его сумкой каждый раз?

С тех пор по мере необходимости в магазин во время нашей работы я ходил сам или вместе с Каминским.

АФИШИ НА ВЫБОР

Наша группа детских писателей в разных составах часто выступала перед маленькими читателями. Но чаще всего мне приходилось выступать вдвоем с Леонидом Каминским. Леонид Давидович был уникальным человеком, возможно, единственный в мире был членом сразу четырех творческих Союзов: Союза писателей, Союза художников, Союза театральных деятелей и Союза журналистов.

В нашем спектакле «Урок смеха» он играл роль строгого учителя, после почти каждой фразы которого раздавался оглушительный смех. А еще вызывал кого-нибудь на сцену кого-нибудь из ребят и рисовал на него шарж. При этом очень весело объяснял, что именно делает.

Я же изображал двоечника, балбеса, который дергает девочек за косички, перебивает учителя и вступает с ним в забавную перепалку. По ходу действия каждый из нас читал и свои веселые рассказы. Иногда я позволял себе реплики, которых по ходу действия быть не должно. Если это было не очень удачно, то Леонид Давидович меня ругал, если же дети при этом хохотали, то хвалил, и мы вплетали эту фразу в более-менее устоявшийся текст.

На сцене Каминский рисовал на больших листах ватмана, укрепленных на мольберте. Когда наше выступление подходило к концу, мы с Леонидом Каминским финально представляли друг друга. Для этого мой друг подготовил шаржи. Сначала на мольберте появлялось его веселое изображение, и я говорил о нем. Затем лист менялся, появлялся шарж на меня, и уже Леонид Давидович представлял меня. Звучали прощальные аплодисменты, и мы покидали сцену.

Иногда Каминский мне говорил:

– Ты опозорил меня. Я нарисовал тебя с длинными волосами, а ты постригся. Получилось, что я изобразил тебя неправильно.

Бывало и наоборот, он рисовал меня с короткими волосами, а у меня успела уже вырасти густая шевелюра.

– Леня, – возражал я ему, – мы же с тобой видимся почти каждый день, и ты всегда знаешь какая у меня прическа.

Но надеяться на то, что мой очень рассеянный друг и в дальнейшем не будет путать шаржи, не приходилось.

И тогда Каминский нашел выход из положения:

– Перед каждым выступлением мы с тобой будем созваниваться. Ты будешь объявлять мне номер рисунка. Под первым у нас пойдет большая шевелюра, под вторым – короткая прическа.

Так мы и поступали. И Леня брал с собой соответствующий шарж, который, как правило, не соответствовал нашей договоренности. Каминский решал почему-то, что под первым номером идет шарж с длинными волосами.

И тогда Леонид Давидович решил произвести категорические преобразования. Теперь он носил с собой сначала оба шаржа на меня, а потом, для точности изображения, нарисовал и третий, с прической среднего размера.

ГОВНО

Я двенадцать лет был руководителем Ленинградского клуба сатиры и юмора. Еще до поджога этого здания, мы выступали однажды в Дубовом зале Союза писателей на улице Воинова. Я, как мне это и было положено, не только выступал сам, но и вел этот концерт. Поэт Юрий Тейх попросил меня выпустить его на сцену перед выступлением Эдуарда Дворкина, и разрешить ему того представить.

Незадолго до этого эпатажный Эдик выпустил книгу под малоаппетитным названием «Говно». Возможно это было лишь благодаря бушующей в стране перестройке.

И вот, закончив свое выступление и переждав заслуженные аплодисменты, Тейх сказал:

– А теперь, почтеннейшая публика, позвольте вам представить замечательного петербургского писателя Эдуарда Дворкина. Прочитав одну из его книг, я не удержался и тут же написал на нее эпиграмму:

Прочел я книгу Дворкина «Говно»
И убедился, да, оно!

ПЕРВЫЕ ГАСТРОЛИ

Приглашение на свои первые гастроли в качестве писателя-юмориста я получил из Сибири, из города Усть-Илимска. Мне было предложено взять с собой еще и кого-нибудь из коллег. Я предложил поехать со мной Сереже Янсону. Он с радостью на это согласился.

Поездка эта была очень напряженной, но интересной. Мы выступали в местном ДК, в школах и на предприятиях. Прямо там же, в Усть-Илимске, начали писать совместную веселую повесть о посещении этого города. Закончили ее уже в Ленинграде. Эта повесть сразу была опубликована в Иркутской газете «Молодежь Сибири».

После очередного выступления к нам подошел человек, который сказал, что представители местной творческой интеллигенции хотели бы поближе познакомиться с ленинградскими писателями. И предложил на следующий день встретиться. Обещал, что мы не пожалеем, познакомимся с очень хорошими людьми и попробуем великолепный коньяк под уху из свежевывловленных хариусов.

Начало нашей встречи не сулило ничего хорошего. Дело в том, что местный поэт, по совместительству хозяйка квартиры, в которой мы собрались, читала свои стихи. Все силы как ленинградцев, так и усть-илимцев уходили на то, чтобы сдерживать при этом зевоту и изображать неподдельный интерес. Насколько я понял, это выступление являлось своеобразной арендной платой за пользование ее жилой площадью.

Через час хозяйка успокоилась. Новые знакомые нам очень понравились, а коньяк и уха произвели неизгладимо приятное впечатление.

Убрав со стола тарелки из-под ухи, хозяйка тут же внесла в комнату огромное блюдо с аппетитными пирожками и сказала:

– Дорогие наши гости, угощайтесь, пожалуйста. Это мои фирменные пирожки. Внешне они ничем не отличаются, но половина – с грибами, а половина с капустой.

Почти двухметровый и очень обаятельный Сережа Янсон тут же овладел вниманием окружающих. Честно говоря, по-другому он поступить и не мог, ибо разговоров за столом было много, а тостов недостаточно. Ну а просто так, без тостов, самочинно выпивать было неудобно, все-таки ленинградцы, как бы особо интеллигентные люди. Вот и на этот раз Сережа бодро и громогласно призвал наполнить рюмки, после чего произнес очередной тост.

Опорожнив рюмки, все принялись закусывать пирожками. Они оказались просто восхитительными.

– Илья, – поинтересовался Сережа, – у тебя пирожок с чем?

– С грибами.

– А у меня с капусточкой. Под такие пирожки грех не выпить.

И Янсон снова взял слово:

– Я, – соврал он, – хочу выпить за прекрасного поэта и (далее он сказал правду) за несравненного кулинара. И за очаровательную женщину (здесь он тоже соврал). – Если человек талантлив, то он талантлив во всем. Не выпить за такого человека – просто преступление.

И мы снова закусили пирожками.

– Илья, а сейчас у тебя с чем?

– С грибочками.

– А у меня с капусточкой.

Следующий тост, разумеется, снова произносил Сережа.

Выпили. Закусили.

– Илья у тебя с чем?

– С грибами, Сережа.

– А у меня... с капуст-точ-кой.

Теперь тосты от Сережи звучали совсем уже неприлично часто. Выпивали. Закусывали.

Мне попадались только восхитительные пирожки с грибами, Сереже – только с капустой. Бодрость тона исчезла, мой друг побледнел и как-то скукожился. Я тоже больше не прикасался ни к рюмке, ни к пирожкам. По

Сережиному лицу стекал пот, он бормотал подобие тостов уже только самому себе и брал очередной пирожок, разумеется, с капустой.

И вот, наконец-то, надкусив очередной пирожок, Янсон обрадовался:

– О, и у меня с грибочками!

Но тут же положил пирожок на тарелку и глухо произнес:

– Только есть я его уже не могу.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Очередная гастрольная поездка. В мой гостиничный номер зашел сначала бард Виктор Плотицын, а затем бард Александр Лобановский. Когда-то они были очень близкими друзьями, а потом из-за чего-то очень серьезно поссорились, что очень заметно и по их вынужденному общению. Я предложил своим гостям чай. Налил его в тонкие гостиничные стаканы.

– Он очень горячий, – сказал Лобановский, сейчас я его остужу. – И прямо над своими коленями начал переливать кипятком из одного стакана в другой, затем обратно, и так далее.

Витя иронично поинтересовался:

– Саша, а ты не боишься ошпарить свои яйца?

– Не беспокойся, – отозвался Лобановский, – я всегда сам отвечаю за свои поступки.

В это время стакан с кипятком лопнул и обжег Сашины гениталии.

Лобановский вскочил и начал с криком носиться по комнате. В это время в номер заглянул гитарист Сережа Ильин:

– Что это у вас происходит?

– Это, – ответил Плотицын, – Лобановский отвечает за свои ошибки.

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА ИСКУСТВА

В конце восьмидесятых годов наша группа «Авторы на эстраде» оказалась на гастролях в Белоруссии. После концерта в городе Рогачёве нас попросили выступить и в деревне Роги. По дороге, рассматривая природу из окна автобуса, мы удивлялись, почему в конце июля многие деревья украшены желтыми листьями. Нам объяснили, что это воздействие радиации после взрыва в Чернобыле.

Роги оказалась обычной, довольно грязной деревней. Уже при въезде в нее мы заметили пару пьяных драк, да еще и то, что, в основном, народ передвигался по улицам какой-то зигзагообразной походкой. У местного клуба, у которого затормозил наш автобус, нас встретила не очень благожелательно настроенная толпа матюгающей молодежи.

Директор клуба, на удивление, почти трезвый, объяснил, что населению здесь рекомендуется алкоголь, ибо Роги расположены в зоне действия последствий чернобыльской аварии. А водка выводит стронций.

– Вот, – заключил он, – мы ее тут пока и пропагандируем, и пьем. И малый, и старый. Некоторые только этим у нас сейчас и занимаются.

Зал клуба быстро наполнился. Часть зрителей покачивались прямо на своих местах, часть спала, некоторые похрапывали. Я первым поднялся на сцену, поздоровался со зрителями, начал привычно шутить. Но никто не обращал на меня никакого внимания.

Увы, как руководитель коллектива, я должен был и открывать наш концерт, и представлять своих коллег, и выступать сам. Моим товарищам было легче, отбарабанив свою программу в похрапывающий зал, они радостно покидали сцену.

Легкое оживление наступило только тогда, когда свои рассказы читал Сергей Янсон. Какой-то молодой парень в зале очнулся, с удивлением осмотрелся по сторонам и, заметив Сергея, закричал:

– Эй, мужик, а ты чего здесь делаешь? А ну пойдём выйдем, поговорим.

Парень даже начал заворачивать рукава рубашки, но тут же уснул.

На обратном пути, в автобусе, Янсон издевался над нами:

– Эх вы, никто из вас так и не смог достучаться до зрителей, и я единственный человек, на волшебную силу искусства которого народ бурно отреагировал.

ДВЕ АФИШИ

Договорился о свидании с девушкой в одном определенном месте. Определенным местом это являлось потому, что там, на уличном щите, была наклеена моя афиша, которая сообщала, что я писатель-сатирик, руководитель Ленинградского клуба сатиры и юмора, и т.д.. Девушка, как это им и положено, опаздывала.

Мимо меня, крепко держа своего внука за руку, проходила старушка. Остановилась у афиши, вчиталась. Сверху вниз и снизу вверх покачала головой, мол, ну и хорошо. Здесь очень важно знать, что дальше, метров через десять, также была наклеена и афиша известного саксофониста Игоря Бутмана. Но полного имени ни на моей, ни на его афише не было. Значилось «И. Бутман». Бабушка не торопясь добралась и до второй афиши, из которой узнала об очень популярном музыканте, лауреате многочисленных отечественных и зарубежных премий. Снова покачала головой в том же порядке, наклонилась к внуку, и восторженно произнесла: «Какой разносторонний человек»!

КУЛИНАРИЯ

АДСКИЕ ПРАВИЛА

Бабушка моего друга Максима была глубоко верующим человеком, которая терпеть не могла грешников. Однажды Максим пригласил нас, нескольких своих друзей, в гости. Как только мы расселись, раздался звонок в квартиру, это приехала бабушка Максима, который кивнул в сторону окруженного гостями стола и сказала: «А это грешники». И тут бабушка выдала: «Прости, но я с грешниками за один стол не сяду». Запахло скандалом. Хорошо, что бабушке вовремя объяснили: «Грешники – это не гости, а так называется старинное русское блюдо – блины из гречневой каши». Эти блины, кстати, так понравились бабушке, что она записала рецепт и частенько ими теперь балуется. С тех пор, когда бабушка ворчит, что терпеть не может грешников, Максим ее поддерживает: «Ну конечно, ты совершенно права. Я даже знаю, что ты обрабатываешь этих грешников по всем правилам ада – жаришь на сковородке».

БАБКА С ЯБЛОКАМИ

Когда я в следующий раз был в гостях у Максима, его жена Наташа похвасталась:

– Угощайся, Илья, я спекла очень вкусную бабку с яблоками.

В это время открылась дверь, и в комнату вошла только что вернувшаяся с дачи вторая бабушка Максима, Анна Николаевна. В руках у нее была корзина с яблоками.

– Это и есть бабка с яблоками? – ляпнул я.

Бабушка испуганно застыла на месте. Мне стало стыдно, я извинился и объяснил в чем дело. Старушка присела с нами за стол.

Когда мы уже поужинали, я сказал:

– Замечательная бабка с яблоками!

– Это ты обо мне или о пироге? – иронично поинтересовалась Анна Николаевна.

ВОЛШЕБНОЕ РАГУ

Я пришел к своему другу Косте на день рождения. Костя познакомил гостей со своей новой пассией – Татьяной. Сначала она нам понравилась, потому что показалась очень компанейской девчонкой. Первой произнесла тост, потом стала про себя рассказывать, снова произнесла тост и продолжила свой рассказ. Через полчаса я заметил, что кроме нее никто вообще не смог произнести ни одного слова. Вскоре это стало казаться нам навязчивым, а затем уже и вообще невыносимым. Пришло время, и Костя поставил на стол горячее блюдо. Это оказалось рагу из телятины. Первой его попробовала Татьяна, и сказала: «Ой, до чего же это вкусно, я прямо язык

готова проглотить»! Услышав это, мы, гости, не сговариваясь, дружно потянулись к блюду, чтобы положить Татьяне добавку.

ПЬЯНАЯ КУРИЦА

На мой день рождения жена накрыла прекрасный стол. Чего там только не было, и несколько видов салатов, и самодельная буженина, и много всякого другого. Но больше всего и мне, и гостям понравилось горячее блюдо – прожаренные кусочки куриного филе с грибами, в которое жена добавила сливки и вино. Из-за последнего ингредиента блюдо называется, оказывается, «пьяная курица».

Когда на следующий день меня на работе спросили: «Ну и как прошел твой день рождения, хорошо поддали?», я ответил: «Отлично, даже курица была пьяная».

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ОСКОРБЛЕНИЯ

Случайно встретил своего одноклассника, который пригласил меня в гости. Мне очень понравилась мирная обстановка в их семье. Даже когда супруги «ругались», то это оказалось очень весело:

- Ах ты зраза моя ненаглядная.
- Да я тебе за эти слова заколот устрою.
- До чего же все вы, кебабы, вредные!
- Чего свои глазуньи вытаращил? Сделаю тебе отбивную, и пойдешь к врачу лечо свои рубцы.
- Ну и душенина ты, сейчас получишь битки и закричишь рататуй, так что иди отсюда купаты.

Домой я вернулся поздно. Жена на меня набросилась. Тогда я неожиданно ей выдал:

- Успокойся, а то я одену сейчас свои аджапсандали и пойду гуляш дальше.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Недавно я был на дне рождения у своего приятеля. Вниманием за столом овладел муж его сестры, вещал он только о том, что терпеть не может американщину, китайщину и «прочую дребедень», а большего всего любит свое родное, русское. Но самое главное, – заявил он, – это не какая-нибудь японщина, а наши родные отечественные продукты и чистый русский язык без всяких англицизмов. Но вот хозяйка внесла горячее блюдо – говяжьи языки, и взглянув в сторону родственника, сказала: «Все в порядке, они

– Мама, – сказала она, – а я вчера виделась как ты целовалась с дядей Мишей.

– Только папе этого не говори, – испуганно глянула на меня хозяйка.

– А почему, – удивилась Наташа, – разве это стыдно? По телевизору все время целуются. При всех.

– Если при свидетелях, то это не стыдно, – объяснила мама.

Когда я, не дождавшись приятеля, уходил, Наташа попридержала меня у дверей и объяснила, что это все детские фантазии, но лучше ничего не говорить ее мужу, а то он, не дай бог, поверит.

Через месяц я был приглашен к Михеевым на Сашин день рождения.

Гости были уже в достаточном подпитии, одни еще употребляли и закусывал, а другие уже разбрелись по квартире. Вдруг в комнату ворвалась Наташа:

– Пойдемте скорее на балкон, а то мама с дядей Мишей целуются там без свидетелей, и им будет очень стыдно.

ДУРАКИ

Я сидел в гостях у своих знакомых, четы Андреевых. Хозяйка квартиры мне пожаловалась:

– Представляешь, наш Вадик заявил Витьке Петрову, что тот дурак, моей подруге, что она дура, а бабушке с дедушкой – что они дураки. Ну что с ним делать?

– От нас поднабрался, – вздохнул ее муж, – а давай скажем ему, что дурак – это что-то очень хорошее. Ребенку всего-то три года, подрастет – разберется.

Родители тут же вызвали Вадика и объяснили ему, что дураки – это самые лучшие люди.

Позже Андреевы рассказали мне, что на следующий день спускались по лестнице и встретили соседей, которым Вадик гордо заявил:

– А мои мама и папа дураки!

ПРО СЕРЕЖУ

Однажды, когда его родители были очень заняты, я забрал сына своих друзей прогуляться. Мальчик сказал, что хочет конфет, и мы решили заглянуть в магазин. Сережа сразу же подбежал к продавцу и сказал:

– Дайте мне, пожалуйста, конфет.

Но продавец ничего Сереже не дал.

Мальчик обиделся:

– А мама говорила, если скажешь «пожалуйста», то тебе ни в чём не откажут.

– Мама права, – согласился дядя, – но при этом нужно ещё и заплатить деньги.

Я достал бумажник и решил эту проблему, мы еще немного погуляли и вернулись в квартиру. А дальше я наблюдал такую картину:

– Сынок, закрой, пожалуйста, за собой дверь, – попросила Сережу мама.

– Не закрою, – обиженно отозвался мальчик.

– Почему? – удивилась мама. – Я же сказала тебе «пожалуйста».

– Этого недостаточно, – отозвался Сережа, – нужно еще и заплатить деньги.

СЧИТАТЬ

ТАНЯ

Жена моего приятеля, Таня, (в девичестве Овсянникова), рассказала о том, что когда училась в школе, постоянно ела на уроках свои любимые яблоки. Раньше весь класс над ней смеялся, но постепенно ребята к этому привыкли, только дали Тане прозвище, правда, не обидное – Яблокова. Даже классная руководительница настолько с этим смирилась, что, бывало, путала: «Таня Яблокова, к доске!»

Но однажды произошла сенсация, вместо яблок Таня достала на уроке печенье. Ее сосед по парте завистливо сообщил:

– А печенье-то овсяное!

– Ну и отлично, – рассмеялась классная руководительница, – будем теперь называть Таню Овсянниковой.

руки лодочкой»)

Однажды театр «Эксперимент» призвал меня в артисты. По заказу главного режиссера Виктора Харитоновича мы написали волшебную пьесу «Царевна-Несмеяна», в которой потом играли самих себя. Композитор Владимир Черединый играл композитора Владимира Чередина, поэт Игорь Шевчук – поэта Юрия Шевчука, а я, соответственно, писателя Илью Бутмана. Кроме того, мы были в пьесе еще и волшебниками. В нашей теплой компании была только одна профессиональная актриса – Лилиан Малкина, которая согласилась играть царевну. Она была хорошо известна многим хотя бы по прекрасному детскому фильму «Внимание,

черепаха!». Замечательный человек Лилиан Соломоновна! Нам всегда было с ней очень интересно. В школьные каникулы мы играли этот спектакль в более просторном зале Дома художественной самодеятельности на улице Рубинштейна. Тут-то и произошла неприятность. На одном из первых представлений Малкина зацепилась за провод микрофона, упала и сломала ногу. Ее отвезли в больницу, наложили гипс. Отменять спектакли мы не могли, поскольку билеты были проданы до конца каникул.

На следующее утро мы собрались в гримерке, чтобы срочно перелопатить пьесу и играть ее без царевны. Мучились мы, мучились, как вдруг дверь отворилась, и внесли закованную в гипс Малкину, которая весело нам крикнула: «А я с вами играю!». Только попросила сделать так, чтобы ей не надо было двигаться по сцене. Не веря своему счастью, мы перед появлением зрителей бережно вынесли царевну на сцену и удобно усадили ее на стул.

В антракте мы собрали все наши деньги, и Володя Чередин сбегал на Кузнечный рынок, откуда принес огромный и очень красивый букет. По ходу действия я выбрасывал из-за шкафа пыльный бутафорский цветок, предназначавшийся для царевны. А Шевчук должен был вручать его Малкиной. И вот я за шкафом. Дождавшись нужной реплики, выкидываю принесенный с рынка букет. Он оказался таким увесистым, что я его еле перебросил, а Игорь чуть не уронил. Но все-таки удержал и коленопреклоненно преподнес нашей Лилиан. Для нее, привыкшей принимать в нашем спектакле искусственные цветы, это был такой сюрприз, что глаза ее увлажнились, и она еле удержала слезы. Зрители, конечно, решили, что так все и было задумано. Они от души хлопали в ладоши, а мы, не сговариваясь, повернулись к нашей царевне и тоже ей аплодировали. Потом за Лилиан Соломоновной приехала машина из больницы. А на следующий день мы снова водрузили свою загипсованную царевну на сцену.

КУЛИНАРИЯ

БЕЛУГА В СОБСТВЕННЫХ СЛЕЗАХ

(Люблю разыгрывать, но в тот раз, признаюсь честно, меня самого разыграли как мальчишку)

Однажды в гостях попробовал рыбу, от которой пришел в восторг. Спросил у соседа по столу, что это за рыба? Он сказал, что это белуга в собственных слезах. «Вы, разумеется, слышали выражение «Ревет как белуга». «Так вот, когда она ревет, то вырабатывает столько слез, что ее всегда в них и готовят».

И вот с опозданием пришла еще одна гостья. Она тоже была от рыбы в восторге. Я объяснил ей и то, что это белуга в собственных слезах, и то, почему она так называется. Когда я замолчал, за столом раздался оглушительный хохот. Слезы действительно выделялись сами, но не из белуги, а у тех, кто надо мной смеялся. Я понял, что меня разыграли, посмеялся и сам. А на самом деле это был «Палтус в рассоле».

У БОКОВОГО ВХОДА

Не будь у меня устойчивой привычки покупать кофе в автомате, расположенного прямо под окнами моей квартиры О'Кей, я, скорее всего, никогда бы не обратил особого внимания на кипящую здесь жизнь. А особого народа здесь крутится немало. И местные алкаши, и всевозможные гопники из соседних домов, и БОМЖи, в том числе и те, кто оказался на улице не по собственной вине. Эта та самая жизнь, которой большинство даже не замечают. Здесь не только пристают к прохожим с просьбой добавить денег на бутылку, но пытаются и «заработать».

Видя меня у бокового входа-выхода почти каждый день, алкаши начали присматриваться ко мне попристальней. Однажды, пока я пил кофе и курил, ко мне поочередно подошло человек пять, в основном, прямо просили на бутылку. Я всем отказал. Тогда местная гопота стала просить закурить. Я никогда никому в этом не отказывал, а посему начал щедро раздавать сигареты, но вскоре понял, что теперь мне и самому их не хватит, и придется опять нырять в магазин за новой пачкой.

– Все, господа, выдаю вам ежедневно по две сигареты, и не более, – объявил я.

Очередь недовольно зароптала и начала нехотя рассасываться.

На следующий день, завидев меня, местная братва, надеясь попасть в первую двойку, метнулась в мою сторону. Им я обещанные сигареты выделил. Остальные недовольно разошлись, не очень дружелюбно на меня глядя.

Я уже допивал кофе, когда появился еще один местный персонаж, на которого я еще вчера обратил внимание, ибо он несколько отличался от остальных. Помню, кто-то оттолкнул его со словами:

– Пошел .. ..., тилигент.

То бишь, интеллигент. Ну а как еще его назовешь, если у него даже очки на носу. Правда, правое стекло все в трещинах, как паутина, и разглядеть сквозь него ничего невозможно, но все же в очках. Нормальное отношение к интеллигенту в маргинальном обществе.

Тилигент вежливо ко мне обратился:

– Скажите пожалуйста, а лимит выдачи сигарет у вас на сегодня уже исчерпан?

Пораженный относительной красотой фразы, я выделил ему две сигареты.

Постепенно я познакомился с местной гопотой, а с частью из этих людей даже чуть ли не подружился. Были, правда, среди них и те, кто вызывал откровенное отвращение. Для людей, не вникших в происходящее, поясню. Если можно так выразиться, то у многих

Это только на первый, непросвещенный взгляд, местная гопота просто роится у входа в магазин. Ничего подобного, забот у них тут хватает. Часть из них – это тележечники. Они внимательно наблюдают за тем, как покупатели выкатывают свои

тележки на улицу, втыкают их в общий ряд, и забирают свои десять рублей. Если покупатель просто забывает их забрать, то они тут же переходят к «тележечнику», если берет, то к нему подходят и смущенно интересуются, а не может ли он этой десяткой «выручить». Бывает, что им не отказывают. Казалось бы, велик ли заработок? Невелик, но на большее они не способны.

Есть «тележечники» и рангом чуть-чуть повыше. Они «пасутся» не у самого входа в магазин, а чуть далее, на автостоянке универсама. Покупатели подкатывают тележки к своим автомобилям, десять рублей для многих из них ничего не значат, и они оставляют тележки там, где их разгрузили. Особенно часто так поступают те, у кого машины стоят в дальнем конце стоянки. Правда, промышляют этим и рабочие из универсама. Но гопники редко вступают с ними в конфликт, рассматривая этих людей как неотвратимое зло.

Однажды я заметил, что когда беру в расположенном у самого выхода из магазина кофе, недалеко от меня стоит какой-нибудь «наблюдатель». И так, с некоторого времени, это превратилось в какую-то традицию. Постепенно я понял, это ловцы сдачи. Я, например, пью кофе «эспрессо», который стоит 70 рублей. Если вставляю сторублевую купюру то выпадают три монеты по десять рублей. Когда монеты падают в «отстойник», то, падая на дно, они издают негромкий трехразовый стук. Гопник тут же напрягается, ведь любитель кофе может и забыть забрать эти деньги, что иногда и происходит.

Если у покупателя нет десятирублевой монеты, то он меняет деньги в специальном разменном автомате. Бывает, что выгребает не всю сдачу. Но она никогда не пропадает, а становится собственностью того, кто этот автомат «курирует».

Иногда здесь проявляется и творческое начало. Однажды я увидел местного шаромыжника с плакатом: «За ничтожную плату помогаю пожилым людям донести покупки до квартиры».

Один из местных гопников-алкоголиков Все были чем-то заняты, кто-то выпрашивал у прохожих деньги, кто-то «окучивал поляну» у тележек и автоматов, а он гордо покачивался и ничего не делал. В общем, народ трудился.

ПОЧЕМУ ТЫ НЕ СШИБАЕШЬ МОНЕТЫ ИЗ ТЕЛЕЖЕК?

– А потому, что я не привык работать.

А

$\Phi/$